

2. Сфремов С. Історія українського письменства. Київ: Феміна, 1995. С. 627.
3. Ільєнко І. Жага. Труді і дні Максима Рильського: документальний життєпис. Київ: Дніпро, 1995. С. 91-92.
4. Клен Юрій. Спогади про неокласиків. Мюнхен: Українська видавнича спілка, 1947. С. 22
5. Клен Юрій. Спогади про неокласиків // Україна. 1990. № 21. С. 62.
6. Літературні курси за вибором в умовах профільного навчання: 10 (11) класи: зб. програм; відпов. за випуск Т. О. Яценко. Київ: Пед. думка, 2011. 88 с.
7. Літературознавчий словник-довідник / Р. Гром'як, Ю. Ковалів та ін. Київ: Академія, 1997. С. 502.
8. Неврлий М. Українська радянська поезія 20-х років. Київ: Вища школа, 1991. С. 124.
9. Українська література. 10-11 класи: Програма для профільного навчання учнів загальноосвітніх навчальних закладів. Філологічний напрям (профіль української філології). Профільний рівень ; за заг. ред. Р. В. Мовчан. Київ: Грамота, 2011.

Iryna Tryhub. Features of the Contextual study of neo classic Poets' works in Conditions of Professional Education.

The contextual study of Ukrainian literature in the context of profile education involves improving the students' philological abilities, contributing to the development of the abilities of in-depth analysis of works literature in a broad context that is comparison with the world literary process, in philosophical and philosophical contexts.

In the presented article the theoretical and methodological basis of the context study of works of Ukrainian literature is determined.

The article describes the technique of studying the works of Ukrainian poets-neo-classics, introduces senior pupils with the fundamental values of the artistic culture of the modern age, orientates on the organization of such educational activities, which involves pupils acquiring certain skills: to analyze modernistic artistic phenomena at a high intellectual level, to express their own thoughts, assess judgments from proper argument about read. Such a system of methodological work gives the teacher the opportunity to involve each student in discussing the problems posed, contributing to the development of critical thinking, dialogical speech of students, and the expansion of their general cultural erudition.

The methodical effectiveness of the context study of the works of the Ukrainian poets-neoclassicists is achieved by such optimally chosen methods and techniques as a heuristic conversation, express tests with the use of ICT for updating and expanding the basic knowledge of students about the styles of Ukrainian and world modernism, problem-solving questions and problem, discussion, virtual journey, various types of independent work of students (the presentation of the microgroup of «literary critics», creating dictionaries, etc.). The use of ICT in such classes complements the methodical arsenal of the philology teacher, makes the process of studying the works of the neoclassicist effective, appropriate to the interests of contemporary readers, their abilities to search and use information.

It is argued that the proposed traditional and innovative methods of studying the creativity of neoclassical poets in the context of the world literary process, in their interrelations with other works of literature, is one of the effective factors in the development of readers' competence of contemporary students.

Key words: school literary education, profile education, Ukrainian literature, context study, Literature lesson, elective course, method of study, creativity of poets-neoclassicists, competence, student-reader.

УДК 821.161.1.09 Львов

Елена Боровская

ДИАЛОГ С ВОЛЬТЕРОМ В ПОЭМЕ Н. А. ЛЬВОВА «РУССКИЙ 1791 ГОД»

У статті розглянуто образний ряд, композиційну логіку сюжету, суб'єктивний лад поеми М. О. Львова «Російський 1791 рік» у контексті імпліцитного діалогу з повістю Вольтера «Кандід». Зроблено висновки про своєрідність ідеологічної та етичної позиції Львова, які обумовлені як специфікою російської ментальності, відображеної в поемі, так і особливостями ідеології цього періоду в історії Росії.

Ключові слова: поема, діалог, контекст, колективний суб'єкт, алегорія, оптимізм.

Поэма Н. А. Львова «Русский 1791 год» справедливо причисляется к программным сочинениям Н. А. Львова (см.: [1], [3], [5]), в которых воплотились его представления о «духе времени» и «духе народа» [5].

«Дух народа» с энтузиазмом комментируется исследователями как воплощение в картинах зимних празднеств в поэме Львова русских национально-культурных особенностей. Действительно, лишь у некоторых поэтов XVIII в. можно найти тексты, где тема зимы вынесена в заглавие или где упоминаются зимние приметы (сочинения Н. Н. Поповского, А. А. Нартова, М. Н. Муравьева, Н. А. Львова, В. В. Капниста, Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина, А. С. Жуковой). Больше всего стихотворений теме зимы посвятил именно Н. А. Львов. У него она поднимается в произведениях разных жанров – поэме, посвящении, элегии, юмористическом стихотворении, песенном дуэте («Стихи на розу», «Новый XIX век в России», «Зима» (из «Дуэтов на музыку Жирдины»), «Снегирь»,

«Зима», «Горячка», «Любезный друг! нас сани...», наконец, «Русский 1791 год»). Исходя из этого факта, М. В. Строганов на основе анализа различных аспектов литературного наследия Львова даже предложил «климатологическую теорию национального характера» в его творчестве. Как пишет исследователь, «...Львов вплотную подошел к вполне удовлетворительной мотивировке русского национального характера: зимний холод закалил русскую натуру, и поэтому везде и всегда русские побеждают, причем делают это с легкостью (“геройство под... титлом удалства”）」 [6, с. 313].

На этом фоне осмысление в «зимних» произведениях Львова «духа времени» в имеющихся исследованиях несколько теряется. Вместе с тем, к «духу времени», то есть, к господствующим в эту эпоху философским и идеологическим доктринам, прямо отсылает финал поэмы, а имплицитно – весь ее текст в единстве своей композиции. Собственно, в финальной строчке поэмы: «... *Что все к лучшему идет*» [4, с. 175], – усматривается отсылка к философии Г. Лейбница. Выскажем предположение, что лейбницевская философия оптимизма была воспринята Львовым опосредованно, через «Кандида» Вольтера. Популярность этого сочинения в Европе была столь велика, что слова доктора Панглоса «все к лучшему», неоднократно повторяющиеся в главах повести, превратились в афоризм. Львов читал и переводил Вольтера. Так, стихотворение «О Боже, о Тебе хотя гласит вся тварь...» (написано 8 декабря 1772 г.) является переводом финальной октавы поэмы «Естественный закон» (1752 г.), иногда называемой «Молитвой» Вольтера.

Идея лейбницевской «предустановленной гармонии» представляется весьма органичной для пояснения художественной деятельности архитектора и ученого, стремившегося собственными творениями нести в мир гармонию, и при анализе литературного творчества Львова в целом. Однако, как было сказано выше, концепция Лейбница, очевидно, была воспринята Львовым через призму Вольтера. Поэтому имеет смысл подробнее рассмотреть диалогические связи поэмы Львова с повестью Вольтера «Кандид». Знаменитый афоризм Панглоса о том, что «все к лучшему в этом лучшем из миров», постоянно подвергается у Вольтера проверке на истинность всеми событиями повести. И цепь несчастий, через которые проходят все герои, провоцирует к ироническому отношению к этой оптимистичной концепции: все события основного сюжета, представляя собой своеобразную энциклопедию бедствий, композиционно выстраиваются как набор аргументов против оптимистического мировоззрения, которые, в конце концов, озвучивает оппонент Панглоса Мартен. Но истинной мудростью у Вольтера наделяется не оптимист Панглос и не скептик Мартен, а старый турок, нашедший счастье, возделывая свой сад. Именно его мудрость в итоге безоговорочно принимают все герои повести, так что в наиболее сильной позиции оказывается точка зрения, сформулированная в последних строках повести: «Надо возделывать наш сад» [2]. Рецепт счастья оказывается работа в «своем саду», выстраивание своими трудами собственного мира, отъединенного от всех безумств и жестокостей мира большого: старик в повести Вольтера даже не подозревает о сотрясающих этот большой мир войнах и катастрофах, а свой рецепт счастья формулирует так: «...*работа отгоняет от нас три великих зла: скуку, порок и нужду*» [2].

Идея работы как спасительного пути, ведущего к подлинному счастью, звучит и в поэме Львова. О «жертве трудами» для той, кому посвящена поэма, Львов говорит уже в посвящении. Эта жертва «усердием горит», и именно труд и усердие являются главной ценностью поэтического приношения автора любимой супруге. При этом, в посвящении последовательно выдержана «ботаническая» метафорика, которая сближает аллегорическую образность вступительной части поэмы Львова с аллегорическим смысловым планом образа сада в финале повести Вольтера. Значимым представляется и то, что аллегорическая «мораль» композиционно вынесена у обоих авторов за пределы основного текста – в одном случае в посвящение-вступление, в другом – в заключение.

К идее труда как пути к счастью Львов обращается и в основном тексте поэмы. Так, отказ от труда становится причиной гибели «золотого века», который еще в своем «младенческом» состоянии был загублен роскошью и бездельем:

*Мы без правил здравых, прочных
Стали нежить век, ласкать
И его лишь изнурять;
Не желая укреплять
Здравые младенца члены,
Для работы сотворенны,
Мы его прервали дни [4, с. 172].*

И чуть дальше автор выводит сентенцию, которая вполне могла бы прозвучать и как резюме повести Вольтера:

*Счастья тот лишь цену знает,
Кто трудом его купил [4, с. 173].*

Без труда обнаруживается в поэме Львова и та апология частной жизни и радостей узкого интимного круга, к которой приходят и герои Вольтера. У Львова истинная любовь слетает только к тем, кто

*Во светлице небогатой
Сидя дружеским кружком
С истинным прямым лицом
Страстна сердца дух крылатой
Отдавал судьбе в залог [4, с. 170].*

Но звучащие в унисон Вольтеру и в целом «духу времени» предромантизма мысли и образы поэмы Львова никак не создали бы диалога. Необходимая в диалоге другая точка зрения тоже ярко проявляется в поэме «Русский 1791 год», лишая ее мировоззренческой однозначности. Если у Вольтера очевиден выход к индивидуалистичной позиции частного человека, возможность спасения от зла и самореализации для которого открывается только по ту сторону социальной жизни, в уединенном возделывании «своего сада», то у Львова наблюдаются не только и не столько эти, сколько иные мировоззренческие особенности, связанные и с «духом народа», и с «духом времени».

Если говорить о первом, то в поэме Львова можно заметить проекции не только индивидуального, но и свойственного русской ментальности коллективного сознания, для которого, как скажет более поздний персонаж, «вся Россия – наш сад». В поэме Львова постоянно употребляется местоимение «мы» и выстраивается коллективный субъект, по отношению к которому как части к целому выступают и автор, и адресат, и условный читатель, и «Хемницер дорогой», упоминаемый в посвящении, и все персонажи зимнего «маскерада». Обобщенно-собираетельная форма субъекта встречается уже в первой строке посвящения: «*Не так нам мил тот цвет*» [4, с. 165]. Тем самым задается идея неких общих ценностей и общих жизненных установок для автора, адресата и читателей поэмы.

Далее образ некоей человеческой общности создается в картинах зимних праздников, в которых все принимают единодушное участие. Именно ко «всем» обращено «объявление от Зимы», а уклонившийся от всеобщего веселья «будет жизни... не рад» [4, с. 166]. Акцент на коллективном характере зимних праздников дальше делается неоднократно: «**Все тут вестника встречают**» (*правда, испытывая при этом разные чувства*), «*Красоты богини зрелы / Волновали кровь во всех*», «...заразы благотворны... **равно ко всем** лились», «**общий хор** / По черте забав катился», «*Как с утехами такими / **Всем** веселыми не быть*», «**Все в нарядах разъезжают**» [4, с. 166-168] – и так же после праздничного угара предстают «**все** зимою устрашенны» [4, с. 172]. Дифференциация типажей («стар», «малый», «румяная молодка», либертены, ловящие любовные «стрелы без огня», и романтики, гадающие на свою единственную любовь-судьбу; скрытые под масками «в харях разных» «**обицы красоты**» и скромники, проводящие время, «*Сидя в дружестве кружком / С истинным прямым лицом*» [4, с. 170]) не отменяет коллективного характера зимнего времяпрепровождения, а только конкретизирует обобщенный образ российского социума, выстраиваемый в поэме.

Коллективный субъект по-новому раскрывается в заключительной части поэмы, посвященной судьбе «золотого века» в России – уже не только как субъект произведения Львова, а, прежде всего, как субъект истории. И тут на первый план выходит пафос общей ответственности. Соответственно, автор употребляет уже не безличное слово «все», а лично окрашенное «мы», не отделяя себя от общенационального целого и подразумевая это целое как конгломерат личностей, ответственных за прошлое, настоящее и будущее своей страны. В частности, наступление «русского 1791 года» выявляет ошибки предыдущей исторической стратегии данного коллективного субъекта истории. Эти ошибки привели к утрате «золотого века», который оказался «нам не под стать»: автор констатирует непродуктивное использование российским обществом тех возможностей саморазвития, которые были открыты ему петровскими реформами и поворотом России на европейский путь. На этом пути знать, утопая в роскоши, проявила безответственность, а те слои населения, которые должны были бы стать опорой настоящих реформ, не менее безответственно ограничились слепым внешним подражанием европейским модам и образу жизни, утратив собственную идентичность и ничему не научившись у других народов. В этой инвективе Львов последовательно употребляет местоимение «мы», тем самым подчеркивая, что проблема, о которой он говорит, касается каждого:

*Мы без правил здравых, прочных
 Стали нежить век, ласкать
 И его лишь изнурять;
 Не желая укреплять
 Здравые младенца члены,
 Для работы сотворенны,
 Мы его прервали дни.
 Сами ж, роскошью плененны,
 Побросались в западни...

 Разумом чужим надулись;
 Как былинка под сосной,
 Не росли, но лишь тянулись [4, с. 172-173].*

В дальних странах русские научились «таять телом, будто льдом» – то есть, изнежились вместо того, чтобы, наоборот, еще больше укрепить себя:

*...не таять научиться
 Должно было там стараться,
 А с морозами сражаться
 И сражением мужаться
 В крепости природных сил [4, с. 173].*

Пессимистичная обрисовка судьбы «золотого века» в России у Львова, вроде бы, коррелирует с пессимизмом Вольтера, не щадящего мрачно-саркастических красок для характеристики и общечеловеческих, и сословных пороков и видящего выход только в отказе личности от социума в пользу интимного круга и трудов внутри него.

Но Львов не только далек от апологии индивидуального, внесоциумного бытия, демонстрируя российскую коллективистскую ментальность (хотя прелести уединенного образа жизни в семейном и дружеском кругу тоже высоко ценимы поэтом, а их воспевание составляет сентименталистски-предромантический пласт его творчества, но позицию абсолютного ухода от социума он все же не исповедует). Он, кроме того, далек от глубинного пессимизма в силу особенностей также воплотившегося в его ментальности «духа времени» в данный момент российской истории – здесь важно вспомнить название поэмы, указывающее именно на российскую специфику переживаемого исторического времени: «*Русский* 1791 год». Чем подытожил себя 1790-й год в России? Заключением мира со Швецией, победами флота адмирала Ушакова в морских боях с турецким флотом, штурмом Измаила Суворовым. А кроме того – политическими «морозами», вызванными

опасениями Екатерины, что в России возможны события, подобные развернувшейся во Франции революции. В 1790-м г. в ссылку отправляется А. Н. Радищев, а в декабре 1790-го из-за «крамольного» сочинения под названием «Горе моему отечеству» арестовывают Я. Б. Княжнина (он погибнет от истязаний в тюрьме уже 14 января 1791 г.), в пьесе которого «Дидона» в 1778 г. сыграла жена Львова и адресат посвящения «Русского 1791 года» Мария Алексеевна. Видимо, на дни ареста Княжнина приходится и написание поэмы Львова – в комментарии К. Ю. Лаппо-Данилевского в издании «Сочинений» Львова 1994 г. указано, что напротив последнего стиха поэмы есть авторская помета: «Сочинено 11 декабря» [4, с. 406].

В этом контексте «барыня большая», велевшая всем зимой веселиться, а не то не сносить им головы, выглядит как едва уловимая аллегория женского самодержавия в России, с его к началу 1790-х годов уже поистине «зрелыми красами». Конечно, ни о какой прямой аллегории тут речь не идет, и дальнейшим развертыванием сюжета о «барыне седой» известный своей осторожностью Львов уводит поэму от политического вновь к календарно-обрядовому контексту: ссылка Зимы по велению сжалившегося над изнуренными россиянами солнца вполне вписывается в традиционно-масленичную образность и сюжетику. Но, если бы поэма Львова имела своей целью только отражение фольклорно-обрядовой стороны русской жизни, связанной с зимой, то в ней нелогичными были бы процитированные ранее рассуждения о «золотом веке» и об ошибках русского общества на новом витке своего исторического развития. Рискнем предположить, что проекция не только на этно-культурный, но и на историко-политический планы российской жизни сохранена и в финальной части поэмы, приводящей к оптимистическому выводу, «что все к лучшему идет».

В поэме можно различить мысль, характерную для петровской идеологии «молодой России», которая определила собою все русское XVIII столетие, – о том, что русская история сейчас, и в «русском 1791 году» в том числе, только начинается. На языке календарно-природной образности это означает, что страна стоит на пороге своей весны – времени надежд и обновления сил. Следовательно, жестокие «морозы» будут побеждены, а «зимние красоты» сменятся новыми, еще более прекрасными:

*Бриллиант перед глазами
Оттого и льстит красой,
Что он с разными огнями.
И о зимних красотах
Потому мы не жалели,
Что красы иные зрели
В русских радостных краях.
Теплое лучей влиянье
Нам давало обещанье,
Что алмазов голый вид
В изумруды пременит.
Благотворная их сила
Нам сулила новый свет,
Переменной научила,
Что все к лучшему идет [4, с. 175].*

Эта молодая вера в возможность прогресса, в грядущий расцвет, какими бы жестокими ни были «зимние морозы», и возвращает оптимизму поэмы Львова прямое, а не ироническое, как у Вольтера, звучание, хотя и выказывается эта вера, как и все политически-исторические смыслы поэмы, не явно, а лишь намеком, который, при желании, можно и не расслышать.

ЛІТЕРАТУРА

1. Бакиров Р. А. Поэтика зимы в поэзии Г. Р. Державина и Н. А. Львова // Ученые записки Казанского университета. Сер. «Гуманитарные науки». Т. 157, кн. 2. Казань, 2015. С. 63-68.
2. Вольтер. Кандид // URL: <http://lib.ru/INOOLD/WOLTER/kandid.txt>

3. Лаппо-Данилевский К. Ю. Н. А. Львов – посвяtitель, меняющий маски // Аониды: сб. ст. в честь Н. Д. Кочетковой. М., СПб., 2013. С. 115 -125.
4. Львов Н. А. Избранные сочинения / Н. А. Львов. Кельн; Веймар; Вена: Белая; СПб.: Пушкинский Дом, РХГИ, Акрополь, 1994. 422 с.
5. Милогина Е. Г. «Дух времени» и «дух народа» в поэтических манифестах Н. А. Львова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Том 11. 2009. №4. С. 1027-1031.
6. Строганов М. В. Заметки о литературном наследии Н. А. Львова // Гений вкуса: материалы науч. конф., посвящ. творчеству Н. А. Львова / науч. ред. М. В. Строганов. Тверь, 2001. С. 311-315.

Elena Borovska. Dialogue with Voltaire in the poem by N.A. Lvov «Russian 1791 year».

Introduction. The article is devoted to the problem of revealing the individual specific features of mastering by N. Lvov of the European literary and philosophical context of the Age of Enlightenment. This problem is relevant for the research of Russian literature of the last third of the 18th century, since the ways of the further development of Russian literature were determined precisely during this transitional period in the process of mastering and adapting European culture to the Russian mentality and traditions (including literary ones).

Purpose. The purpose of this work was to identify the Voltaire intertext in Lvov's poem «Russian 1791 year» and the analysis of the dialogue between the poem by Lvov and Voltaire's «Candide» as an example of the successful introduction of the European component into the Russian cultural and literary environment of the late 18th century.

Methods. The method of contextual analysis of the text was dominant in the article. He allowed to consider the problems and poetics of the Lvov's poem in its stipulation as the internal dominants of the Russian literary process of the Age (the reproduction of «the spirit of the nation» in N. Lvov in accordance with the orientation toward Russian traditional culture, which became increasingly popular in the period of pre-romanticism), and European tastes, Lvov's preferences and the intellectuals of his time.

Results. The analysis of the poem «Russian 1791 year» from the point of view of the dialogue between Lvov and Voltaire made it possible to read the poem with the help of previously unused interpretative codes and significantly change the notion of its semantic structure as more multi-layered and complexly organized.

Originality. The analysis of Voltaire allusions in this poem by Lvov has not yet been addressed by researchers of his creativity. This research reveals the connection of many its key ideas with the Voltaire's story. For example, it was proved that the idea of work as a salutary path, leading to genuine happiness, is reinforced in Lvov's poem by a direct allusion to the final of «Candide», and Voltaire's skeptical assessment of human morals is reinterpreted dialogically in Lvov's poem in application to the state of Russian life.

Conclusion. The main conclusion of the article was the thesis that, transferring and artistically analyzing «the spirit of the nation» and «the spirit of the times» (according to the formulation adopted in researches of the poem) in his text, in the first case Lvov relies on folk traditions and in the second – on the philosophical context of the era, in this case represented by Voltaire's text.

УДК 821.161.2 (092)

Ксенія Радченко

ТВОРЧИСТЬ І. НЕЧУЯ-ЛЕВИЦЬКОГО У КОНТЕКСТІ РЕАЛІЗМУ УКРАЇНСЬКОЇ ЛІТЕРАТУРИ: РЕЦЕПЦІЯ МИКОЛИ ЗЕРОВА

У статті аналізується рецепція важливих аспектів творчості класика української реалістичної прози І. Нечуя-Левицького та особливості розвитку реалізму української літератури, представленого українським дослідником-літературознавцем М. Зеровим. Трактуються праця «Українське письменство ХІХ ст. від Куліша до Винниченка (нариси з новітнього українського письменства)» М. Зерова як застосування біографічного методу у творчості І. Нечуя-Левицького.

Ключові слова: творчість І. Нечуя-Левицького, реалізм, проза, літературознавство, соціальне буття людини, міф міста, міський текст.

Творчість І. Нечуя-Левицького була об'єктом наукового вивчення багатьох літературознавців та мовознавців, оскільки він залишив цінну літературну спадщину, був автором етнографічних, публіцистичних, філологічних та історичних праць. Український дослідник-літературознавець М. Зеров, аналізуючи творчість письменника, застосовує біографічний метод, пов'язавши життя і творчість автора. У статті подаємо рецепцію важливих аспектів творчості класика української реалістичної прози І. Нечуя-Левицького та особливості розвитку реалізму української літератури, представленого українським дослідником-літературознавцем М. Зеровим.

У післямові до книги «Українське письменство ХІХ ст. від Куліша до Винниченка (нариси з новітнього українського письменства)» М. Зерова його сучасник О. Баган зазначив: «Літературознавча і літературно-критична творчість Миколи Зерова і його друзів та колег по перу – Павла Филиповича, Михайла Драй-Хмари, Бориса Якубського, Ананія Лебеда,